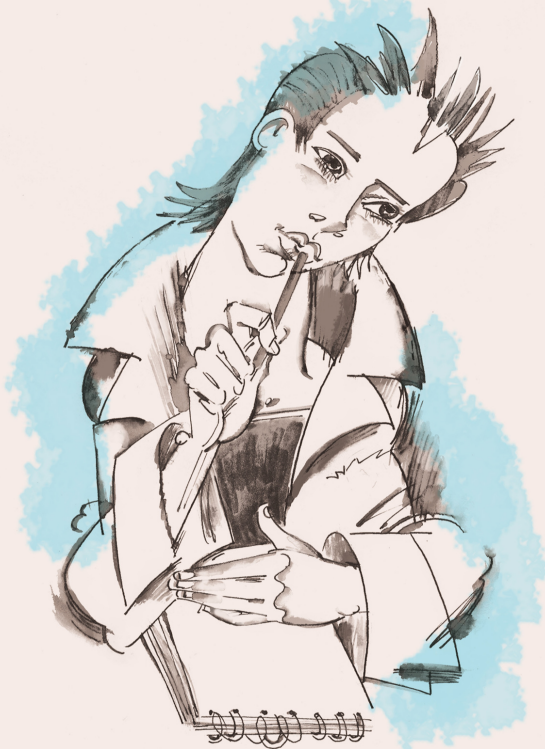

Марина Дробкова

На гва голосо

Повестъ

Марина Дробкова

На два голоса

Серия «Время – юность!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48439532

Марина Дробкова. На два голоса : повесть: Время; Москва; 2020

ISBN 978-5-9691-1921-5

Аннотация

Когда тебе всего шестнадцать и впереди ОГЭ, в твою жизнь внезапно врывается арт-марафон. И вот ты уже готовишься к конкурсу косплея, поешь дуэтом и втайне рисуешь такого красавца в доспехах, что сама не веришь в происходящее. И ничего, что тебе с детства не повезло с фамилией – возможно, в этом как раз твоя удача! Главное – шагнуть за грань. Повесть о девятикласснице Але Суворовой, ее мечтах и сомнениях, дружбе, первой любви и поиске себя.

Содержание

1	6
2	19
3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Дробкова

На два голоса

© Дробкова М. В., 2020

© «Время», 2020

1

*Иногда случаются вещи
Странные, непонятные,
Как слова, принесенные ветром,
Как цветы на битых камнях.
Как мелодия ржавых качелей,
Как чужой карандашный рисунок,
Незнакомая узкая улица
И зловещий свет фонаря.
Или, может быть, как озарение,
Как единственно верная формула,
Как с усилием рожденная фабула,
Как созвучье часов и шагов,
Как кипение зелья безвременья,
Как улыбка кота незнакомого
Или рукопожатие верного,
Но забытого доброго друга...*

Из файлов Али Суворовой

Мне все говорят, что я рисую слишком много фэнтези – драконов, извилистые дороги к замкам, странных девушек с кувшинами, мальчишек в доспехах. Что сразу видно: художественную школу я не заканчивала, поэтому нет классических навыков, одна только фантазия. А на фантазиях далеко не уедешь. Вон штриховка крепостной стены неровная. И вообще, надо учиться рисовать реальных людей, без доспехов. Ну что я, виновата, что мальчишкам идут доспехи! Тамерлану безумно идут. Рисунков с ним у меня уже несколько

ко. Но сейчас я рисую не его, я рисую Дину.

«Метеор» рассекает Финский залив. Нас шестеро, и мы плывем в Петергоф. Ксюн, Дина с Олегом, Яр и Тамерлан. И я.

Дина сидит у окна, сбросив белые сникерсы и подтянув ноги на кресло. На коленях у Дины лежит ее шляпа. Дина тоненькая, черненькая, с высокими скулами и точеным носом. Я рисую ее не в шляпе и не в куртке. Я надела на нее узорчатое восточное платье – ярко-зеленое, с подчеркнутой талией, в уши вставила длинные диковинные серьги, а в руки дала кувшин с узким горлышком. Вот она спускается по каменистой горной тропинке... Да, надо еще глаза подрисовать, сделаю совсем раскосыми. Ведьмовскими.

Олег, высокий, самый высокий в нашей компании, примостился рядом и бухтит ей что-то с самоотверженным упорством. Наверное, комплименты, что еще может Дину заинтересовать? Не серебристая же гладь моря – вид за окном довольно однообразный.

– Петергоф, – объявляет Тамерлан.

Он вообще-то Тимур, но... Так получилось.

А начать надо было не с этого.

Две недели назад, когда первый урок уже шел, а наш классный, химик, запаздывал, одноклы втыкали в телефоны, я как всегда рисовала Ксюн, а Ксюн как всегда рисовала ентов, в кабинет влетела наша завуч по социальной работе, на

шпильках и с египетскими бусами, больше похожими на зубы диких зверей, добытые честной охотой.

– Ребята, нам нужно отправить двух человек на арт-марафон в Сестрорецк.

Она хищно оглядела всех.

Ксюн отгородилась блокнотом, словно штурмуемая крепость – воротами, как бы намекая: «Без тарана не войдете!»

Я осторожно осмотрелась. Никто не жаждал.

– Аля, давай ты! Ты ведь хорошо рисуешь.

Выражение лица завучихи с решительной линией бровей над пронзительно-голубыми глазами явно означало: «Не вздумай отказаться!»

– Но я же... Я там никогда...

– А с тобой поедет Оксана... Скворцова!

Как будто у нас есть еще какая-нибудь Оксана! Ксюн – единственная не только на параллель, но и на всю школу. Гораздо чаще встречаются Ксении.

– Ну Ольга Николаевна-а, – заныла Ксюн. – Нам же к ОГЭ готовиться...

– Ой, перестаньте, – махнула рукой завуч. – Три дня все равно будете сидеть в интернетах, а так хоть с пользой время проведете. Майские праздники, пансионат на берегу залива, еще и с экскурсией, с бесплатным проживанием – губернатор выделил деньги на развитие культуры. А вы – отказываться! С ума сошли?

– А питание тоже бесплатно? – заинтересованно спросил

Никифоров с последней парты. Он всегда голодный, по-моему.

– Питание – нет, уж извините. Там есть недорогое кафе. Но у тебя, Петя, насколько мне известно, нет особенной тяги к творчеству.

– Ну нет! – буркнул Никифоров и отвернулся. Явно обиделся, что никто не предлагает бесплатных бургеров.

– В общем – решено. Девочки, после уроков подойдите ко мне, я вам объясню, что нужно делать и куда ехать! – И завуч отчалила, едва не столкнувшись в дверях с химиком.

А мы с этого момента загрузились.

– Я там была в прошлом году, – сказала мне Ксюн на перемене, накручивая осветленную прядь на палец. – Там мило. Залив, кстати, не очень близко, до него переть. Но зато рядом пруд с во-от такими карасями, их там все кормят булками. И еще фонтан на территории. И вайфай. И можно ролики брать напрокат...

– Если там так здорово, чего ж ты отказывалась?

– Я?! Да и не отказывалась, – пожала плечами Ксюн. – Но не позволять же Ольге садиться нам на голову. Так и будет припахивать, если легко соглашаться.

– А делают-то там что?

– О! Там очень классно...

Из того, что Ксюн тогда рассказала, я уловила немного. Все каждый день собираются и что-то рисуют, на разные темы. За ограниченное время. Завуч знала и того меньше. И

уже сильно позже, через две недели, когда электричка увозила нас с Финляндского вокзала, Ксюн раскололась: на этом мероприятии, оказывается, есть соревнования для певцов, и музыкантов, и даже косплейеров, так что это не только арт-марафон, а, скорее, многоборье.

Я чуть не выскочила из поезда.

– Подожди, как?! Я же ничего из этого не умею!

– Что не умеешь, петь? Вот не надо, ага?

– Ксюн, я серьезно! – Я бухнула рюкзаком об сиденье.

Многочисленные пассажиры-дачники (воскресенье же, перед майскими, все рванули на свои загородные виллы) покосились на меня с недовольством.

– Я пою только для себя! – тихо, но зло проговорила я.

Ксюн хлопала длинными загнутыми ресницами.

– Ты просто в себе не уверена! Как ты поешь – я слышала. Это супер! И надо, чтоб наконец и другие оценили, тогда ты убедишься, что...

Я пообещала прибить ее рюкзаком с темперой, если она попытается заставить меня петь. Я пою дома, когда одна. Могу с мамой вдвоем. Иногда – для близких друзей. Но где-то в незнакомом месте, где будет куча народу, и все они этому учились и делают в разы лучше меня, – чтоб там со страху охрипнуть и опозориться? И это должно укрепить мою уверенность в себе?! С логикой у Ксюн всегда были своеобразные отношения.

Сама Оксанка вообще не поет. Но она зато играет на син-

тезаторе...

– Ладно! – удивительно легко согласилась Скворцова. – Не хочешь – будем только рисовать.

– А так можно? – буркнула я.

– Да. – Ксюн кивнула, усаживаясь и беря рюкзак на колени. Багажные полки и крючки были заняты все без исключения. – Ну баллов поменьше заработаем, да и фиг бы с ними.

Я тоже села. Настроение было испорчено. Получается, из-за меня наша школа окажется в хвосте. Ну что, Ольга не могла кого-то другого выбрать, что ли!

Всю дорогу я молчала и смотрела в окно. Ксюн читала в телефоне всякие приколы и периодически делилась со мной. В результате ухахатывался весь вагон, а я ее почти не слушала. Обхватив руками рюкзак и прижавшись к нему подбородком, я думала о том, что если бы я все-таки набралась смелости и решила спеть... Нет-нет, этого ни за что не будет! Но если бы все-таки да, то я бы выбрала, конечно, «Дракона»...

На вокзале в Сестрорецке нас ждал вместительный бесплатный автобус до пансионата. Даже не нужно было искать маршрутку. Вместе с нами с электрички сошли человек двадцать плюс куратор – учитель из соседней школы, которому всех нас навязали. Другие взрослые тоже были, хотя подростков, конечно, большинство. Еще столько же толпилось на остановке с рюкзаками, а кто-то и с чемоданами, ожидая,

пока откроются двери. Мы прибыли точь-в-точь к посадке.

– Это называется бу-бу-бу-бу-бу... – Ксюн исчезла в недрах салона, я не успевала за ней угнаться.

– Как?

Я тоже протиснулась следом, вдоль прохода, почти до самого конца.

– Транспорт оргкомитета! – повторила Ксюн. – Запомни-най, пока я жива!

Пока ехали, Ксюн задремала, а я разглядывала остальной народ. Мое внимание сразу же привлекла девушка в шляпе, сидящая лицом к проходу. И удобно же ей боком на сиденье! Девушка напомнила мне одну знакомую – я даже подумала сначала, что это она и есть. Но нет, та постарше. Удивительно, какими похожими могут быть совершенно разные люди!

Минут через пятнадцать мы оказались на месте. У стойки администратора нас очень быстро определили в один из корпусов, всучили бейджики с именем и номером школы, блокноты, и Ксюн рванула с рюкзаком по тропинке мимо работающего фонтана. Я бежала следом и вертела головой из стороны в сторону. Вокруг – сосны. Между ними кое-где подвешены разноцветные гамаки. На дорожках – гравий. Фонтан – в центре, между тремя корпусами. А рядом... наряженная новогодняя елка! То есть елка тут растет, понятное дело, но игрушки, видимо, остались с зимы. Я тут же начала сочинять историю о странном месте, где круглый год бьет фонтан, а елки растут сразу в мишуре, но Рождество все равно никак

не приходит...

Номер оказался на троих – две кровати и диванчик. На одной кровати, возле шкафа, уже лежала... знакомая шляпа. Я почему-то обрадовалась.

– Ну вот, кровать осталась одна, – мрачно изрекла Ксюн.

– О, забирай себе, я возле окна не люблю!

Я плюхнулась на диван.

Ксюн просияла и швырнула рюкзак на свободную кровать поверх покрывала.

– А ты чего расселась? Скоро открытие!

И она потащила меня на открытие в другой корпус, в огромный зал. Похоже, тут все время надо будет перемещаться между корпусами.

Пришли мы раньше всех: Ксюн слишком беспокойная, ей вечно не сидится и не ждется, как нормальным людям. Забрались в самый центр, чтоб никто мимо нас не проталкивался, и принялись таращиться на входящих.

Когда народу набилось примерно половина зала, я увидела внизу, у сцены, нашу соседку. Я сразу узнала ее, хотя мы сидели далеко, а она была без шляпы, – уж очень характерное лицо, восточное. Девушка стояла не одна, рядом маячил высокий парень, с которым она весьма оживленно что-то обсуждала, при этом всматриваясь в зал. Очевидно, как и большинство, ища знакомых. Наконец хозяйка шляпы кому-то помахала и вместе со своим кавалером начала подниматься по проходу. Я хотела посмотреть, где они сядут, но

в этот момент Ксюн энергично пнула меня в бок и указала в другую сторону.

– Смотри-смотри, вон два парня, один из них в очках, видишь?

– Ну?

По другим ступеням, справа, в толпе поднимались два пачана: блондин с длинной челкой, полностью закрывающей одно стекло, и брюнет.

– Это из нашей музыкалки, обалденный дуэт гитаристов. А Яр, который в очках, еще и рисует здорово. Надо их заполнить в команду, будет круто-круто-круто!

Они направились напрямиком к нашему ряду и, протиснувшись мимо сидящих с края людей, расположились через несколько мест от нас, тут же заведя разговор с девчонками по соседству. Я прислушалась. Говорил темненький:

– ...Сюжеты я придумываю на раз. У меня обычно скапливается куча эскизов, а дорисовывать лень. Поэтому мне нравится работать в команде...

– А второго как зовут? Он тоже рисует? – спросила я Ксюн.

– А, да, тоже. Это Тимур. Но мне рисунки его не нравятся, я их не понимаю. Зато у него классный голос!

– Прямо универсал, – фыркнула я. – Меня тошнит от таких самовлюбленных красавцев.

– Ну, Яр не такой.

– И они ведь из другой школы?

– Из другой, но это неважно. Подсчет баллов все равно индивидуальный, пойдет в рейтинг.

Парни заметили Ксюн и помахали ей. Тимур еще и улыбнулся дружелюбным оскалом крокодила. Меня это почему-то взбесило до глубины души.

Но тут занавес раздвинулся, началась торжественная часть, и я на двадцать минут отвлеклась.

К концу церемонии я уже знала ужасную правду. Ксюн, конечно же, меня развела, потому что участвовать надо было минимум в двух номинациях, иначе не имело смысла. Поскольку играть я не умею, а петь боюсь, да еще...

– Дуэтом? – повторила я вслед за ведущей.

– Видимо, в этом году так, – задумчиво протянула Ксюн.

Ну и ладно. Ну и слава богу. Все равно мне не с кем, так что моя совесть абсолютно чиста!

Оставался косплей. Я тяжело вздохнула. Придется пробовать.

После церемонии Ксюн направилась прямиком в кафешку – тут же в холле, рядом с залом. А я с ней не пошла, вернулась в номер. Очень хотелось в душ и переодеться.

Рядом с моим диванчиком на стене висел фен. Здорово все-таки нас поселили! Кое-как подсушив волосы, я достала из рюкзака ноутбук и врубила свои любимые песни, чтоб не так скучно было раскладывать вещи по полкам.

Больше всего я люблю, конечно, «Мельницу»¹. У них есть

¹ В повести использованы фрагменты песен Натальи О'Шей и Ольги Лиши-

сложные песни. Например, в «Рапунцель» мне не хватает дыхания, а в «Господине горных дорог» – амплитуды. Но некоторые получаются лучше. Я спела одну за другой под ноут «Дракона» и «Волкодава». А когда дошла до «Дверей Тамерлана», в дверь громко постучали. Это точно не Ксюн, потому что – не заперто, просто закрыто. Неужели я помешала соседям? Вроде бы не очень сильно орала.

Я подошла к двери и нажала ручку. На пороге стоял брюнет с крокодилей улыбкой. Тот самый выпендренный красавчик. Как же его зовут... Почему-то бейджа нет.

– Привет, я Тимур. Услышал, как здорово ты поешь, и хочу предложить выступить дуэтом, ты не против?

2

*Ты вырезаешь из картона фигурку
тонкой балерины,
Бросаешь ввысь ее с ладони, и вихрем
вмиг ее уносит,
И не дает упасть на площадь, и кружит,
словно лодку, – омут,
Меж дымных струй, средь тонких
шпилей,
над стенами и куполами...*

Из файлов Али Суворовой

«Извини, но я должна отказаться. Так вообще-то не делается: я же тебя первый раз вижу. Да и привычки петь дуэтом у меня нет. Надо как следует отрепетировать. А у нас всего два дня, мы только опозоримся».

Так я должна была сказать. Но вместо этого брякнула:

– Не против.

Что?!

Тимур кивнул со спокойным удовлетворением на физиономии. Видимо, другого ответа и не ожидал.

– Тогда мы можем попробовать прямо сейчас, для разминки. Пойдем?

– Пойдем.

Я шагнула было за порог.

– Ключ только не забудь. Ты ведь одна?

– Угу, – промычала я и, чувствуя, как уши становятся красными, вернулась в комнату за ключом.

Да что это со мной, а? Поглупела за тридцать секунд, пока с ним разговаривала?

– И оденься, это в другом корпусе! – донеслось от порога.

Я сунула ноги в ботинки, набросила куртку, а на голову натянула капюшон – волосы ведь до конца так и не высохли. И потопала вслед за Тимуром, на первом этаже послушно оставив ключ на стойке.

Я вышла за ним на улицу как загипнотизированная. Как овца за пастухом. И даже не могла объяснить себе, почему я так поступаю, зачем, ради чего. Он мне даже не нравится! Во-первых, такие жгучие брюнеты – не мой типаж. Во-вторых, характер! Он же самоуверенный... павлин, вот.

Видимо, я делала это исключительно из любви к искусству. В которой сама себе не признавалась.

Тимур привел меня вновь в главный корпус. Мы разделись в гардеробе, а потом спустились в подвал, в библиотеку. Здесь, среди зеленых стен, стоял рояль. К нему-то мы и направлялись.

– Никогда не понимала, почему в библиотеках вечно стоят всякие пианино, – наконец вернулся ко мне дар речи.

– Это «пианино» почти антиквариат, – заметил Тимур, подходя к инструменту и поднимая крышку. – Но он отлич-

но настроен. У меня есть друг, у которого рояль стоит прямо в квартире, представляешь? Не синтезатор, не электронное пианино, даже не классическое пианино. А настоящий рояль.

– Наверное, у него очень большая квартира, – выдавила я.

– Да нет, у него студия, одна комната. И рояль большую часть ее занимает. Но зато стильно.

Тимур уселся за инструмент.

– Ты что, и на нем тоже играешь? – вырвалось у меня.

– «Тоже»? А на чем еще? – с интересом спросил Тимур.

Вот черт, проговорила! Не хотелось почему-то признаться, что Ксюн уже рассказывала про него.

– Ну... мне почему-то подумалось... что ты играешь на гитаре. Раз поешь, – сочинила я.

– Логично, – кивнул он. – И угадала. В основном – на гитаре. А тут так, три аккорда. Просто чтобы прикинуть, какие песни нам могли бы подойти.

– Так у меня же всё на ноуте есть... То, что я пою.

– Весь репертуар? – Он уставился на меня любопытными глазами. – А что ж не сказала?

Что-что! Во-первых, он не спрашивал! Во-вторых... Я вообще не в себе была.

– Но это не страшно, – тут же продолжил он. – Так что тебе нравится? Кроме «Мельницы».

Было такое чувство, как будто мне подставили подножку.

– А что, «Мельницу» нельзя? – стараясь казаться спокой-

ной, спросила я.

Тимур неопределенно пожал плечом:

– Нежелательно. Она слишком женская. Девочковая.

– Почему?! А «Дракон»?!

– А «Дракона» я не умею. Я не то чтобы сильно против «Мельницы». Думаю, смогу подстроиться. Но надо что-то, чтоб не разучивать и что бы мы оба знали – и могли сразу спеться. «Ночную кобылу», может, тогда уж?

Я замотала головой:

– Она слишком быстрая.

Перебрав еще с десятков песен, мы сошлись на «Дорогах».

Тимур с ходу запилил «Там, за третьим перекрестком...», а я подхватила. Конечно же, никакие это были не три аккорда, играл он прилично. А пел... Честно говоря – бесподобно, Ксюн нисколько не преувеличила. В то, что он и на гитаре может не хуже, я тоже сразу поверила. И правда, что ли, этот Тимур такой замечательный, как сам о себе говорит? Да и другие о нем говорят. Если еще окажется, что он и рисует хорошо... Совершенство прям! Ну так же не бывает!

Но я быстро перестала об этом думать и сосредоточилась на песне. В припеве особенно старалась. Там идет очень быстро: «Дороги-сплелись-в-тугой-клубок-влюбленных-змей-и-от-дыхания-вулканов-туманов-немее-крыло», почти скороговоркой. А мелодия ломаная. И надо не только попадать в ноты, не только правильно дышать, диафрагмой, но и чет-

ко проговаривать слова, чтобы не получилась каша. Точнее, нет, не проговаривать, а пропевать. У Тимура получалось легко. У меня – совсем не легко, но тоже получалось! Я была довольна результатом. А ведь мы даже не распелись. Видимо, сказалось воодушевление.

– Ну, мне нравится, – заявил Тимур, когда песня закончилась. – Для первого раза просто отлично. Так ведь?

Мне тоже нравилось, даже очень, и я кивнула:

– Слова только подучить, чтоб не путать: где причал, а где порог.

– Согласен. Потренируешься сама? А завтра после эскиза-за-час повторим.

– То есть как – это все, что ли? Вся репетиция?

– Ну давай еще раз.

Мы спели еще раз. Я уже немного подстроилась под его голос. Слышать не только себя было непривычно. Но ведь, в конце концов, когда-то и я ходила в музыкальную школу и даже в хоре пела. Лет шесть назад.

Мы закончили.

– Даже не верится, что первый день поем. Как будто давно репетируем, – сказал Тимур.

И у меня от радости внутри все тоже запело.

– Ты, кстати, жребий тянула? Во сколько рисуешь?

– Н-нет.

Кажется, со сцены говорили про какой-то жребий, но где его надо тянуть, я не поняла, понадеялась на Ксюн.

– Тогда пойдем!

Он встал, закрывая крышку рояля. С сожалением я направилась за ним к выходу. Я бы еще попела.

Возле кинозала стоял стол, а на нем – коробка, внутри которой лежали скрученные в трубочку бумажки. Рядом маячил парень со списком в руках – явно не школьник, постарше, и записывал всех участников.

– Тяни! – кивнул он мне.

Я запустила руку в коробку и, вытащив бумажку, развернула.

– Десять! – прочитала я.

– О, ты в нашей команде! – явно обрадовался Тимур. – Тех, кто рисует первыми, в десять утра.

– А кто еще в вашей команде?

Ксюн же хотела попасть с ним в одну команду, вспомнила я. С ним и со вторым парнем, Яром.

– Мой друг Ярослав и еще одна девушка, Оксана, – сказал он и внимательно посмотрел на меня, будто что-то прикидывая.

Вот это да! Фантастика!

– И вы все попали в одну команду? Так повезло?!

– Ну я вообще довольно везучий! – заявил Тимур.

Опять хвастается! А я только было начала проникаться к нему симпатией!

– Мы с Яром действительно вытянули одинаковое время. А Ксюн поменялась. И она, кстати, искала тебя.

– Откуда ты знаешь, что именно меня?

Сообразил все-таки. Но только зачем Ксюн меня искала, если я пошла в номер, о чем ей было прекрасно известно. В крайнем случае всегда можно позвонить или написать.

– Ну вы же вместе были?

И тут я начала кое-что подозревать. Но Тимура как раз окликнули, и он отвлекся и вообще забыл про меня. А я отправилась к себе.

А у нас в номере застала всю компанию: Ксюн, Яра и нашу соседку со своим парнем. Или кем он ей приходится. Все сидели – кто на кровати, кто на диванчике, а кто и прямо на подоконнике – и распивали чай. Тут имелся электрический чайник, что было совершенно замечательно, а чайные пакетики мы с Ксюн привезли с собой.

– Где ты ходишь! – воскликнула Ксюн. – Я тебя обыскалась. Ребята, это Аля! Это Дина и Олег, а Яра ты уже знаешь.

– Аля – это Алевтина? – неожиданно спросил с диванчика Яр.

Я растерялась от такого предположения, а Ксюн прыснула со смеху:

– Сам ты Алевтина! Ну и имечко!

– А что, – смутился Яр. – У меня так прабабушку звали: баба Аля. Нормально.

– Ну прабабушке, может, и норм. Вторая попытка!

– Алла? – вежливо поинтересовался сидящий рядом с Яром Олег.

– Так зовут твою маму? – захохотала Ксюн.

– Нет. – Олег казался совершенно невозмутимым. – Сосежку по даче.

– Чуть лучше, но все равно неправильно. Еще версии есть?

Меня Ксюн вообще забыла спросить: хочу ли я, чтобы с моим именем играли в угадайку. Но третьего варианта никто не предложил. Дина лишь виновато улыбалась. И Ксюн сжалась:

– Александра она.

– Александра – обычно Саша, – заявил Яр. – Ну или Саня, Шура.

– У нас в началке, – объясняла бестолковому Ксюн, – было три Саши. И один из них – мальчишка! Кому-то пришлось стать Алей. А дальше так и пошло.

Это была версия Ксюн. У меня имелась своя – настоящая, но я не стала вылезать. Их это не касается.

– Так ты где была? – вновь спросила Ксюн, наливая воду в мою чашку, где уже болтался пакетик.

Я подумала, что нет смысла делать тайну из того, что все равно все скоро узнают, и честно ответила:

– Репетировала с Тимуром.

– О, супер! – завопила Ксюн, чуть не расплескав горячую воду на Олега. – Так он все-таки нашел тебя!

Я прямо физически ощутила, как у меня опускаются уголки губ. словно у грустного смайла. Я-то надеялась – все слу-

чайно и романтично. А оказывается, Ксюн сама подослала ко мне Тимура. Я ведь так и знала! Не может без интриг.

– Тимур здорово поет, – вежливо заметила Дина.

– Алька тоже здорово, вы услышите!

Я хотела, по привычке, возразить, но в первый раз засомневалась. А может, я действительно не так уж плохо пою? То есть на самом деле пою я ничего так, слушать можно. Но обычно мне не хватает... чего-то такого, чего не хватает рисунку, сделанному карандашами, по сравнению с тем, который выполнен на планшете. Яркости. Четкости линий. Уверенности.

Я тут же представила два живых рисунка, с ручками и ножками. Один был довольный, улыбался, говорил уверенно и всем вокруг нравился. Второй был вроде бы не хуже по замыслу и технике, но стоял, переминаясь с ноги на ногу и прикрываясь ладошками. Как будто не хотел, чтоб его разглядывали. На него и не смотрели толком.

Я отхлебнула из чашки. А может, и молодец Ксюн, что подговорила Тимура? Выходит – да. Зато споем теперь. Сама ведь я бы ни за что не решилась... Я взглянула на Ксюн с благодарностью и улыбнулась. Она подмигнула мне.

– А вы что будете петь? – спросила Ксюн, и я не сразу сообразила, что она обращается к Дине с Олегом.

Они собрались исполнять какую-то «Мечту», и мне, конечно, было очень интересно послушать и их тоже, но сейчас все мысли были заняты другим. Очень хотелось рисовать.

Поэтому, когда все собрались смотреть аниме в кинозале, я сказала, что задержусь – пусть не ждут.

Пока Дина и парни обувались в коридоре, Ксюн подошла ко мне, нахмурившись:

– С тобой все нормально? Ничего не случилось?

– Нет! – Я помотала головой с выражением идиотского дружелюбия на лице. – Я хочу просто... накраситься.

Версия прокатила.

– А! – понимающе протянула она. – Ну ладно. Мы тебя ждем!

Напомнив это напоследок, моя подруга упорхнула за остальными.

В номере стало тихо, и я услышала шум дождя за окном. Быстро подбежала к окну и высунула руку. Но это был не дождь. Во дворе работал фонтан, и звуки льющейся воды долетали сюда.

Я достала из рюкзака пачку бумаги, карандаш и ластик и уселась на подоконнике. Не доверяю свои мысли блокнотам почему-то. Друзья и родственники всегда мне их дарят, зная, что я рисую, но они так и лежат дома высокой аккуратной стопочкой, на которой скапливается пыль. Каждый рисунок – это отдельная жизнь. И жизнью у меня мно-о-го... И смешивать их нельзя.

Я рисовала рыцаря на тропе. Точнее, сначала это был просто мужской силуэт, стоящий на булыжной дороге. Кстати, может ли силуэт стоять? Нет? А что он тогда делает?

Дорогу я сразу выписала тщательно, а вот человека сперва обозначила только контуром. Плечи. Туловище, одетое в кирасу. Руки, одна из них согнута, потому что держит шлем. Другая лежит на эфесе меча. То есть меча пока нет, но будет. Голова, ноги. На ногах башмаки с длинными, слегка загнутыми носами, по средневековой моде. Хотя, возможно, они тут не в кассу, зачем рыцарю в бою такие неудобные башмаки. Но: я художник — я так вижу. Волосы чуть длиннее, чем у оригинала...

Стоп. Какого оригинала? Я что, с ума сошла рисовать Тимура?

Решив лицо не прорисовывать — хотя я видела его так четко, как будто изображала с натуры, — я вдруг застеснялась самой себя и поскорее засунула лист в папку. Вот еще! Если Ксюн увидит, обязательно решит, что я влюбилась.

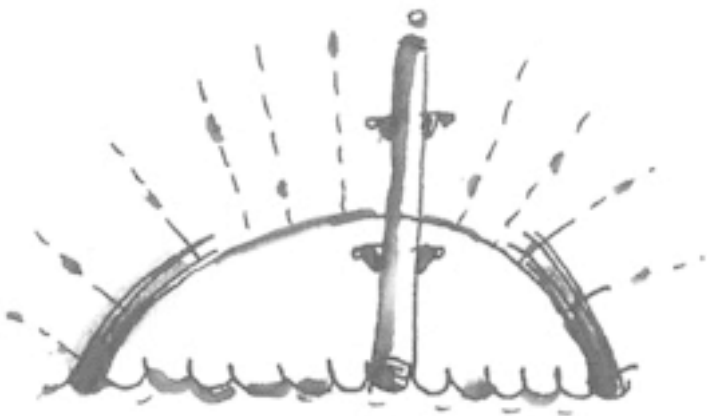
А я не влюбилась, правда не влюбилась! Это другое.

3

*...И смотрят в сумрачное небо мосты,
ростральные колонны
Глядят с безмолвным одобреньем.
И, вздрогнув, отступают тени.
Ведь бегство ночи неизбежно, но как
же счастье эфемерно...
Концерт для крыши и настроенья на
струнах тоньше паутины...*

Из файлов Али Суворовой

Ксюн появилась ближе к вечеру, без Дины. Я так и не пришла к ним смотреть аниме.

– Ну, рассказывай! – потребовала она, забираясь с ногами на кровать.

– Да что рассказывать, – я пожала плечами.

– Про Тимура, конечно! Ну как все прошло? Правда же, он классно поет?

– Угу.

Не отрицать же очевидное.

– Вот, а я говорила! А ты ему тоже понравилась!

– Он так сказал? – воскликнула я, тут же растеряв все хладнокровие.

– Ага! – во весь рот улыбнулась Ксюн. – Он сказал, что ты полноценный партнер. А от него редко такое услышишь.

– А другие неполноценные, что ли? – Ну и Тимур! Стоит только подумать или услышать о нем что-то хорошее, как он тут же снова падает в моих глазах.

– Ну нет, я не так, наверное, запомнила. Конечно, он по-другому выразился. – Ксюн замахала руками и пошла на попятную. – Но он про тебя сказал, что у вас сразу получилось хорошо и тебя не надо натаскивать, потому что вы примерно на одном уровне.

Я стояла и улыбалась. Улыбательное настроение меня просто распирало. До чего же приятно это слышать, до чего здорово! Я ведь даже не предполагала, когда ехала сюда, что буду петь. Хотя, если честно, втайне мечтала об этом. Но что еще и вдвоем с таким потрясающим исполнителем... Да он еще и так высоко меня оценит... А кто бы не улыбался на моем месте? Не замечая, что делаю и говорю, я уселась на кровать, и слова полились из меня наружу, как струи фонтана во дворе.

– Знаешь, он пришел, а я как раз «Мельницу» пела. А он и постучал...

– А какую песню? – с готовностью подхватила Ксюн.

Она тоже любит «Мельницу». Не петь, конечно, – слушать. Петь, как это ни поразительно, Ксюн не умеет. Она просто не попадает в ноты. Я не понимаю, как, каким образом это может быть с человеком, который так хорошо играет на клавишах. Ну да, для нее главное – техника. И память у Ксюн отличная, особенно зрительная. По нотам она шпа-

рит без вопросов. Когда выучивает наизусть – тоже нормально. Как отплясывает. Но вот на слух... Что-то у нее с этим не то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.